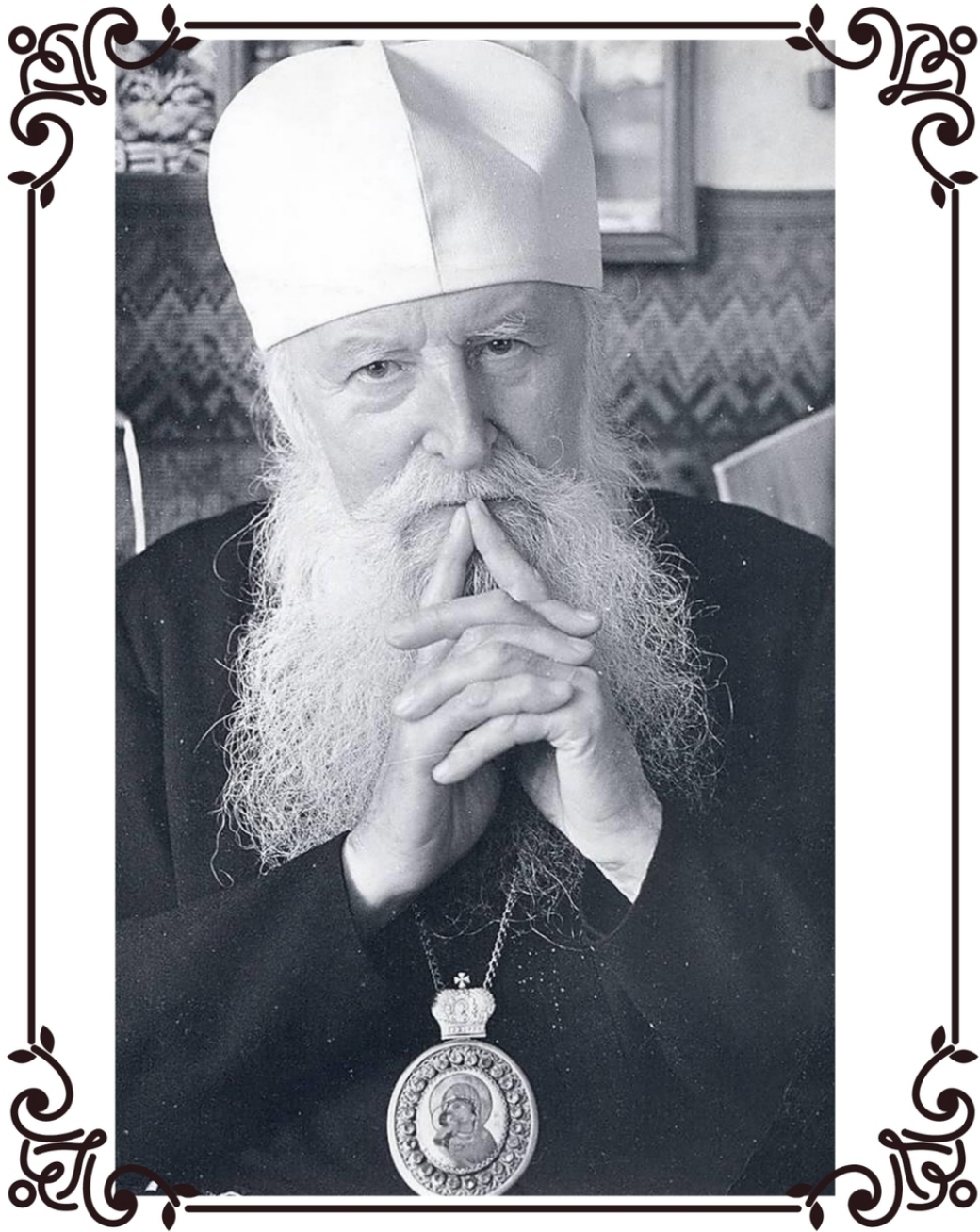

6+

Жизнь в молитве и любви

*Воспоминания о
приснопамятном архиепископе
Константине (Холми)*

Андрей Хомич

ЖИЗНЬ В МОЛИТВЕ И ЛЮБВИ

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Хомич А. К.

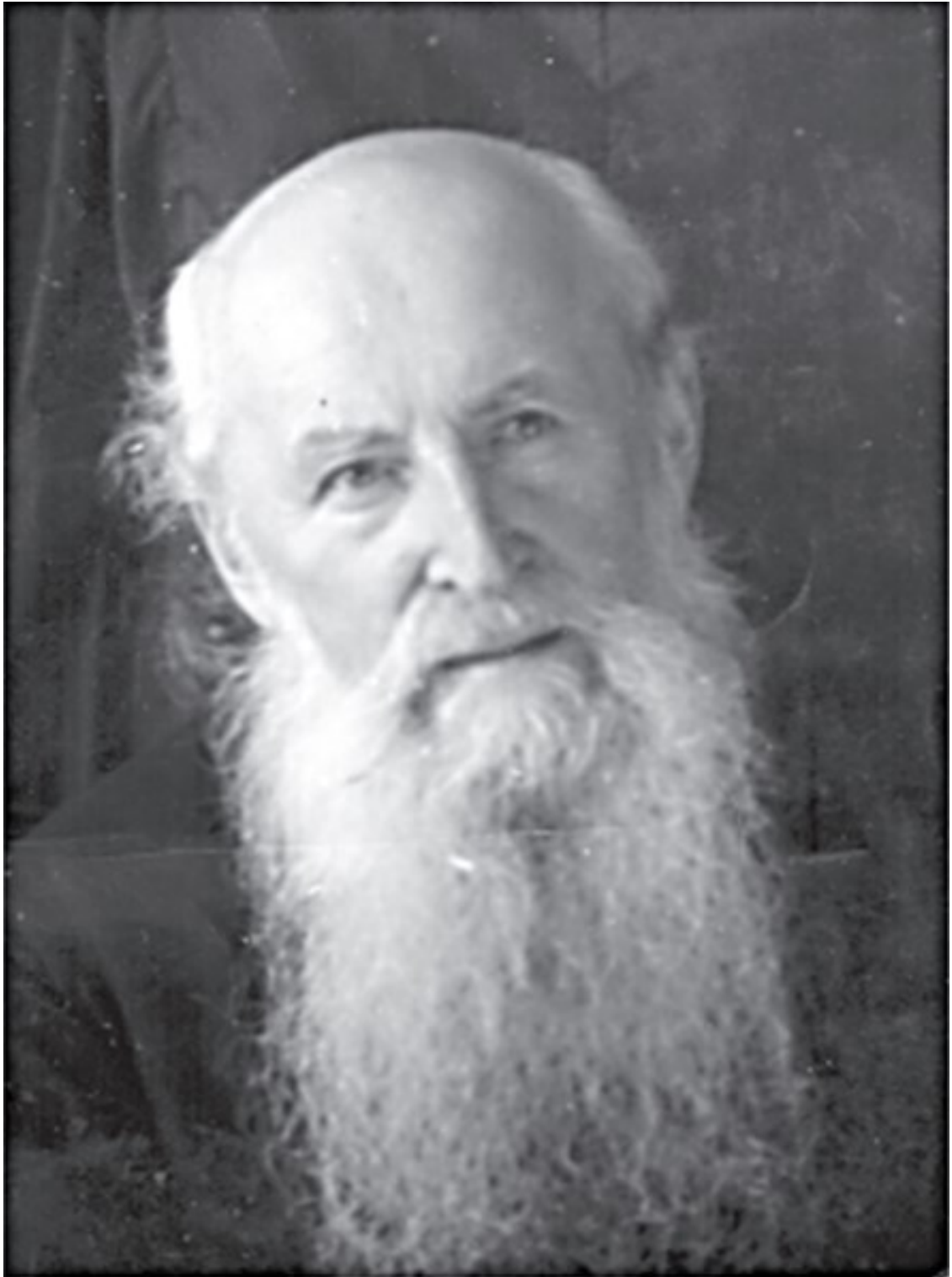
Жизнь в молитве и любви / А. К. Хомич — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Увлекательное жизнеописание приснопамятного архипастыря в
воспоминаниях священнослужителей, его сына и большого числа знавших его
людей.

© Хомич А. К., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Предисловие	7
Краткие биографические данные	8
Воспоминания о приснопамятном архиепископе Брестском и Кобринском Константине	9
Митрополит Минский и Слуцкий ФИЛАРЕТ, почетный	9
Патриарший Экзарх всея Беларуси	
Протоиерей Евгений (Семенюк)	11
Игумен Серафим	16
Протоиерей Сергей (Дмитрук)	18
Протодиакон Георгий (Лисицкий)	19
Андрей Константинович Хомич	20
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Посвящается 20-летию со дня усновения архиепископа Брестского и Кобринского Константина (Хомич)

Книга о приснопамятном архиепископе Константине составлена из воспоминаний людей, знавших владыку многие годы. Воспоминания проникнуты глубоким уважением к любвеобильному Пастырю, а также благодарностью за ту духовную помощь, которую он оказывал всем, кто к нему обращался. Ему было открыто внутреннее состояние души человека, он увидел события в жизни многих людей. По молитвам владыки Константина Господь подавал

исцеления больным при его жизни и продолжает подавать исцеления многим, обращающимся к владыке после ухода его из земной жизни.

9 лет прошло после 1-го издания книги «Жизнь в молитве и любви». В течение этих лет многие люди продолжали присылать воспоминания о владыке Константине при жизни и свидетельства о его помощи после упокоения. Эти воспоминания вошли в настоящее издание книги.

Предисловие

Эта книга о священнослужителе, длинная жизнь которого и все его служение православной Церкви связаны с Республикой Беларусь.

С Божией помощью и благодаря внутренней духовной силе владыка Константин стойко перенес все трудности богоборческого периода в жизни православной Церкви.

Книга содержит воспоминания о владыке как о «молитвенном батюшке», снискавшем у многих людей любовь к нему и веру в духовную помощь по его молитвам.

Любвеобильный Пастырь, сострадательный, всем доступный, терпеливо несший крест архипастырского служения, глубоко смиренный и в тоже время непоколебимо твердый в вопросах веры, обладавший высотой духовного облика – таким запомнился владыка Константин тем, кто знал его при жизни.

Будучи милостивым, он всех прощал, сочувствовал, скорбел вместе с ними и горячо молился о всех пасомых.

В феврале 1990 года была учреждена Брестская и Кобринская епархия Белорусского Экзархата Русской православной церкви. Владыка Константин был правящим архиереем Брестской и Кобринской епархии с февраля 1990 года по 19 сентября 2000 года.

Архиепископ Брестский и Кобринский Константин отошел ко Господу 19 сентября 2000 года, но добрая память о нем у многих людей, знавших и любивших владыку, не угасает.

Как при жизни владыки люди шли к нему за молитвенной помощью, так и сейчас приходят на его могилку, заказывают панихиды и верят, что и на Небесах владыка Константин не оставляет их своим молитвенным попечением.

Газета "Вечерний Брест" № 78 от 22 сентября 2000 года, в статье «Ищите Пастыря на Небе» написала: «Он был очень добр. Немало православных берестейцев (брестчан), за какой-нибудь надобностью заходивших в епископские апартаменты, могут рассказать о том, как просто и ласково были приняты, обогреты беседой, накормлены обедом, одарены книгами и благословлены на дорогу.

Также тепло принимал высокий служитель Церкви и нашу журналистскую братию. Одаривал всегда с избытком, оказывал гораздо большие благодеяния, чем те, за которыми к нему обращались. Причем Его Высокопреосвященство совсем не докапывался, воистину ли перед ним предстал христианин.

С высоты своей мудрости он уже воспринимал людей как заблудившихся в потемках детей, которым нужна помощь независимо от того, чуть больше или чуть меньше напастей на них ополчилось.

Благодатный Батюшка говорил: «Все веруют! Когда все хорошо это и незаметно, а как только что случится – бегут в Церковь к Богу и коммунисты, и ученые».

Верится, что отныне на Небесах у берестейцев появится еще один сильный заступник».

Краткие биографические данные

Владыка Константин (Хомич) родился одиннадцатого числа, одиннадцатого месяца, одиннадцатого года.

В 1935 году окончил Виленскую Духовную Семинарию и с 1936 года по 1956 год служил на Пинщине, был настоятелем храмов в деревнях Пинской области: Купятичи, Пинковичи, Охово.

В 1956 году был назначен настоятелем Никольского храма в г. Добруш Гомельской области.

С 1962 года служил настоятелем Успенского храма в деревне Красное Гомельской области. В 1969 году овдовел и в 1970 году принял монашеский постриг в Жировичском Свято-Успенском монастыре с именем Константин (в честь мученика Константина, день памяти 19 марта).

В 1970 году был возведен в сан архимандрита и назначен заместителем Жировичского Свято-Успенского мужского монастыря.

В 1980 году архимандрит Константин был награжден вторым крестом с украшениями.

В 1981 году архимандрит Константин награжден Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Пименом орденом равноапостольного великого князя Владимира 2-й степени.

За ревностное полувекое служение Церкви Христовой в 1986 году удостоен Святейшим Патриархом Пименом права ношения голубого Патриаршего креста

Постановлением Святейшего Патриарха Пимена и Священного Синода от 23 марта 1987 года архимандриту Константину, Наместнику Жировичского Свято – Успенского монастыря, определено быть епископом Пинским, викарием Минской епархии.

11 апреля 1987 года в Минском Свято-Духовом кафедральном соборе, после всенощного бдения, наречение архимандрита Константина во епископа Пинского совершили: митрополит Швейцарский Дамаскин, митрополит Минский и Белорусский Филарет, архиепископы Оренбургский и Бузулукский Леонтий, Чебоксарский и Чувашский Варнава. Епископская хиротония была совершена на следующий день 12 апреля того же года.

В связи с восстановлением самостоятельной Брестской кафедры определением Святейшего Синода от 19 февраля 1990 года владыка Константин назначен епископом Брестским и Кобринским, а 25 февраля 1995 года возведён в сан [архиепископа](#).

В 1991 году награжден Святейшим Патриархом Алексием II орденом князя Даниила Московского 2-й степени.

Воспоминания о приснопамятном архиепископе Брестском и Кобринском Константине

**Митрополит Минский и Слуцкий ФИЛАРЕТ,
почетный Патриарший Экзарх всея Беларуси**

Все, кто знал приснопамятного владыку Константина, навсегда запомнили светлый образ сего старца.

В 1969 году протоиерей Константин Хомич овдовел и принял монашеский постриг в Свято-Успенском Жировичском мужском монастыре, где более 17 лет достойно нес церковное послушание наместника монастыря. То были годы богоборчества.

Наместник был одним из тех людей, кто удерживал священный дар жизни в святой Жировичской обители. С Божией помощью, он находил поддержку в защиту интересов монастыря даже у некоторых представителей богоборческой власти.

Сколько молитв, сколько любви, терпения, тепла и кротости потребовалось от наместника, чтобы сохранить Обитель!

Моя первая встреча с будущим архиепископом Константином состоялась в 1978 году, когда по промыслу Божию я прибыл для несения церковного послушания в Беларусь.

Вопрос кадрового обеспечения Церкви стоял тогда очень остро. И, конечно же, добрый и сердечный наместник монастыря был в те годы надежной опорой для укрепления позиций Церкви в Беларуси.

Постановлением Святейшего Патриарха Пимена и [Священного Синода](#) РПЦ от 23 марта 1987 года архимандриту Константину, наместнику Жировичского мужского монастыря, определено быть [епископом Пинским, викарием Минской епархии](#).

На высочайшую степень церковного служения был возведен Пастырь, не искавший почестей, но всю свою жизнь отдавший смиренному и искреннему служению Господу.

После того как архимандрит Константин был хиротонисан во епископа, полнота жизни в Боге проявилась владыкой Константином во всех его делах и поступках.

Он был человеком, который весь принадлежал Церкви Божией. Никто не уходил от владыки без ободрения, утешения, благословения.

Искренней сердечностью он завоевал у множества людей любовь и уважение.

Люди шли к нему как к истинному отцу. Он много и усердно молился, был чист душой и вел праведный образ жизни.

Желание всем помочь – одна из отличительных черт приснопамятного владыки. Он любил свою паству и служил ей самоотверженно.

В годы изменения церковно-государственных отношений, когда стало возможно восстанавливать разрушенные за десятилетия храмы и монастыри, владыка Константин был назначен управляющим Брестской епархией. Он нес свое служение на Брестской кафедре с молитвой и любовью.

Рукопись о приснопамятном архиепископе Константине подготовлена по воспоминаниям людей, знавших владыку многие годы.

Воспоминания проникнуты глубоким уважением к любвеобильному Пастырю, а также благодарностью за ту духовную помощь, которую он оказывал всем, обращающимся к нему. Правдивый образ приснопамятного владыки начертан его сыном.

Мне очень понравились эти страницы искренних слов и чувств.

Вечная память почившему в Боге архиепископу Константину. Да упокоит его Господь со святыми в вечных селениях райских.

И дай Бог, чтобы читатели сей книги воспоминаний смогли вместить в свои сердца часть той благодатной любви к людям, что переполняла душу Преосвященного Константина.

Да благословит Господь всех авторов и читателей сего издания.

С благословением

**Митрополит Минский и Слуцкий,
Патриарший Экзарх всея Беларуси**

Протоиерей Евгений (Семенюк)

приснопамятный митрофорный протоиерей Свято-Симеоновского кафедрального собора г. Брест

Памяти пастыря доброго – архиепископа Константина

«Аз есмь пастырь добрый: пастырь добрый
душу свою полагает за овцы» (Ин.10:11)

При входе на погост Брестского кафедрального собора, слева, не доходя шагов десяти до паперти, находится скромный могильный холмик, увенчанный монашеским крестом. (от ред. В настоящее время на могилке владыки Константина установлен мраморный крест.)

Снизу на кресте, в застекленной рамке, помещена фотокарточка и под ней надпись: «Архиепископ Брестский и Кобринский Константин (Хомич). Родился – 11.11.1911г, умер 19.09.2000г.»

Если всмотреться внимательно в изображенное на фотоснимке лицо, то невольно вспоминаются слова из Евангелия, приведенные выше: «Аз есмь пастырь добрый ...». И действительно на нас смотрит очень доброе лицо благообразного, убеленного сединой старца в архиерейском достоинстве.

Кроткий взгляд свидетельствует о его любвеобильном сердце, от которого веет теплом, который успокаивающе действует на душу, умиротворяет и располагает к себе.

Своим любящим взглядом владыка Константин как бы призывает посетителей словами Спасителя: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас». (Мф.11:28) И действительно, приходящие находят здесь успокоение. Воистину он человек Божий. Сколько в этом лице кротости и смирения!! Оно сияет любовью и добротой, которые излучают его глаза, его почтенный возраст и украшающая его седина – признак мудрости и его богатство.

Благочестивые прихожане и богомольцы свято чтут память своего архипастыря. Очень многие из верующих людей, идущих в храм, поравнявшись с могилкой, поворачиваются в

сторону «зде почившего», осеняя себя крестным знамением, и низко склоняют головы, отдавая дань чести, уважения и любви дорогому их памяти владыке. Иные прямо направляются к могилке, подолгу шепчут у изголовья что-то «про себя», приносят цветы, возжигают свечи и лампаду.

Время от времени сюда приходит один батюшка «из соборных», чтобы помянуть своего любимого владыку на месте его захоронения, а затем на Литургии и на панихиде. Видимо ему очень дорог владыка, которому он многим обязан в своей жизни и службе.

Многие священнослужители епархии, монашествующие и гости из других епархий посещают могилку архипастыря и возносят о нем молитву к Богу.

Приведу лишь несколько примеров из собственных наблюдений.

Вот подошел к могиле мужчина почтенного возраста, снял головной убор и трижды, в меру своих сил, с крестным знамением поклонился почившему. Он долго всматривался в фотографию владыки и, конечно же, в душе своей молился. Видимо, что-то доброе связывало их при жизни архиерея. Может быть, мудрый совет или сердечные беседы, в чем владыка не отказывал никому.

Спустя какое-то время над могильным холмом владыки склонилась женщина средних лет, со сложенными крестообразно на груди руками. Она часто шевелила дрожащими губами, и время от времени вытирала, накатывающиеся на глаза, слезы. Я знаю эту женщину, судьба ее весьма тяжелая. Она часто приходила к владыке и находила у него утешение. Он принимал ее с лаской и отцовской заботой, давал нужный совет, это придавало ей новые силы выживать в трудных условиях. В лице владыки она видела, что мир не без добрых людей. Вот и сейчас она пришла к своему доброму пастырю в надежде на его молитвенную помощь, которую, видимо, неоднократно ощущала.

Молодежь по-своему любит владыку и не обходит его своим вниманием. Свидетельством тому является следующее наблюдение: вдоль церковной ограды, ведущей к центральным входным воротам, со стороны улицы, идут две молоденькие девицы, они между собой о чем-то разговаривают и весело улыбаются. Вступив на церковный погост, поспешно покрыли головы косынками, которые были в их сумочках, и прямо от входных ворот направились к могилке. Лица их теперь стали серьезными, немного напряженными и сами они казались более взрослыми. Одна из них аккуратно подняла поваленную порывом ветра вазу с цветами и прочно установила ее. Затем, немного постояв, они перекрестилась, сложив на груди руки «пирамидой» и немного склонившись, как бы замерли на какое-то мгновение. Возможно, владыка Константин когда-то благословлял их на успешную сдачу экзаменов или на поступление в учебное заведение. С его архипастырского благословения на душе всегда становилось легко, спокойно, мирно и непременно сопутствовала удача.

Однажды я наблюдал, как два озорных мальчишки толкая друг друга то в плечо, то дергая за рукава курток, незаметно для себя приблизились к могилке владыки. Увидев пред собой могильный крест и смотрящего на них с фотокарточки «батюшку», мгновенно остепенелись, как-то выпрямились и, указывая пальцем на владыку, о чем-то говорили. Им, видимо, было знакомо это лицо. Они могли его видеть во время службы, а может он их причащал. Возможно, вспоминали, как владыка на Рождественской елке щедро одарял их подарками, или просто ласково улыбаясь угощал конфетами, которые были всегда припрятаны им для детей в глубоком кармане подрясника, или возлагал свою теплую благословляющую руку на их головки. владыка любил детей.

Даже из этих, немногочисленных, примеров можно судить о всеобщем почитании людьми владыки Константина. Множество зауспокойных записок, подаваемых на панихиды с именем архиепископ Константин, в заглавной их части, свидетельствуют о том, что благочестивые прихожане молятся Богу о своем любимом Пастыре, как и он, несомненно, молится о них.

Для меня владыка Константин был образцом служителя Церкви Божией. Это был истинный Пастырь. Всю свою священническую и архиерейскую жизнь он посвятил служению Богу и ближним. Он часто говорил: «любите друг друга, молитесь друг за друга, помогайте друг другу, защищайте друг друга». Наставление апостола Павла пастырям церкви: «будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте.»(1.Тим.4:12), во всей полноте было исполнено владыкой. Так поступая в жизни, он спасал себя и всю окружающую его паству.

Владыка никогда не гордился своим высоким духовным званием архиепископа, никогда не превозносился своим административным положением – Управляющего Брестской и Кобринской епархией, был всегда кроток и близок к людям. Он понимал, что как архипастырь, он не должен своим значением возвышаться над другими, а просто и сердечно, по-семейному, относился к людям, к членам Церкви. Владыка помнил слова апостола Павла: «старца не укоряй, не увещевай, как отца; младших, как братьев; стариц, как матерей; молодых, как сестер со всякой чистотою, вдовиц почитай».(1 Тим. :1–3). За это его любил народ. Владыка любил говорить в беседах и учил тому, чтобы внутри христианской семьи царствовала забота друг о друге и если кто о своих и, особенно о домашних, не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного.

Огромный опыт пастырского служения в священническом чине позволил владыке вникать в нужды священников, сочувствовать их нелегкому служению, давать полезные советы и всячески содействовать их благоустройству.

Будучи священником, до того как овдовел, владыка был семейным человеком и это помогало ему понимать семейную жизнь, ее запросы и нужды. Все это сблизило владыку с простым народом. Сам, претерпев много страданий и нужд в жизни, он всегда сочувствовал страждущим и нуждающимся, по – отечески заботился о них, помогал словом и делом, наставлял и вразумлял. Делал все это владыка с великой кротостью и любовью. Приходивших в его келью часто благословлял иконкой или одаривал какой-нибудь душеполезной литературой.

Владыка любил подолгу сидеть на лавочке возле храма и беседовать с людьми. Он говорил, что в ограде церкви воздух особо чистый, безвредный и благодатный, рекомендовал каждому приходиться и хоть немного подышать этим «благорастворенным воздухом», отдохнуть от дневного шума и забот, от усталости и городской суеты, успокоить душу от обиды, ненависти, зла, поразмыслить о смысле жизни и о спасении души.

Владыка был глубоко верующим человеком. Возникшая с детства православная вера росла и крепла в нем по мере его физического, нравственного и духовного возрастания. Будучи в сане архиепископа, он не тяготился службами в храме, любил длинные церковные богослужения. Всегда приходил на службу за 5–10 минут до начала. Во время службы был задумчив, молчалив и терпелив, часто замыкался во внутренней молитве. Как добрый пастырь – был снисходителен к нашим немощам, никогда не повышал голос, а при необходимости сделать замечание, делал это тихо и кротко. Молитва сопутствовала ему везде. Когда владыка ехал на службу в какой – либо приход своей епархии, или в Минск на заседание Синода, то всю дорогу молился. В пути часто читал свой любимый «Акафист Блаженной Ксении Петербургской». Особенно он почитал эту святую и постоянно чувствовал ее помощь. Когда владыка молился по дороге, то даже большие расстояния незаметно быстро и благополучно преодолевались, а все пассажиры, едущие с владыкой, ощущали силу его молитв.

Владыка не имел пристрастия к деньгам. Он часто говорил словами апостола: «Корень всех зол есть сребролюбие, которому, предавшись, некоторые уклонились от веры, и сами себя подвергли многим скорбям».(1.Тим.6:10).

Не будучи прихотливым в пище, а также не стремясь к разным приобретениям, владыка всегда довольствовался тем что есть, помня слова апостола: «удаляйся от тех, которые думают, будто благочестие служит для прироста ... Великое приобретение – быть благочестивым и довольным, ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него.

Имея пропитание и одежду, будем довольны тем».(1.Тим.6:5–8). Владыка был доволен и той убогой кельей, с минимальными удобствами, где приходилось жить. Он не стремился к роскоши, не требовал благоустроенных «архиерейских покоев», а терпеливо, с кротостью и смирением нес свой тяжелый святительский крест. Все это делало его не таким как все, даже среди епископов. Он был каким-то особым, святым человеком. Он жил по примеру великих светильников церкви, для которых главным была молитва, спасение души, любовь к Богу и ближним, а всему остальному, материальному, он не придавал большого значения, помня евангельские слова: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут; ибо, где сокровища ваши, там будет и сердце ваше». (Мф.6:19–21).

Владыка всегда старался быть незаметным. Но разве можно его не заметить? К нему, как преемнику апостолов, относятся слова Христа Спасителя, обращенные к Его ученикам: «Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного». (Мф.5:14–16).

Вспоминается, как прекрасен был в своем архиерейском облачении владыка Константин! Как воженный светильник сиял он во время богослужений и, особенно, за Божественной Литургией. Владыка казался в это время особенно светлым, добрым, благолепным и в то же время – величественным и молитвенно строгим. От него веяло необычным теплом, миром, любовью, которые наполняли храм и души верующих. Удивительно, что владыка, имея такой солидный возраст, никогда за богослужением не читал в очках.

После окончания службы у служебного входа владыку всегда ждали прихожане, которых архипастырь терпеливо и с улыбкой благословлял, скрывая усталость и боль в ногах.

За время архиерейского служения владыка освятил много восстановленных старых и построенных новых храмов. Количество рукоположенных им священнослужителей исчисляется десятками.

Владыка воспитал хорошего сына, который по праву гордится своим отцом и всем сердцем желает увековечить его память.

Увековечить память о владыке и мое сокровенное желание и, я думаю, желание всех, кто близко знал покойного. Поэтому каждый из нас должен внести свою посильную лепту в этот труд.

По указу Его Высокопреосвященства я был назначен духовником епархии и имел счастье быть его личным духовником, что почитал за великую честь и о чем, никогда не высказываясь вслух, в душе всегда был владыке благодарен. Будучи духовником владыки, я еще более познал его богатый внутренний мир. Он дал мне возможность проявить себя, как пастыря, как проповедника Слова Божия и просто, как человека. Я чувствовал, что владыка меня любит и знал, что он мне доверяет, поэтому старался, как мог не потерять это доверие.

На всю жизнь запомнился мне момент, когда архиепископ Константин, ко дню моего двадцатилетнего служения в соборе, наградил меня крестом «с украшением». При этом он возложил на меня свой собственный «архимандритский» крест, как бы вместе с ним передавая мне свое богатое, доброе священническое наследие, накопленное долгими годами усердного пастырского служения. И каждый раз, взирая на этот крест, я вспоминаю доброго архипастыря владыку Константина, и это обязывает меня постоянно молитвенно его помнить.

Приятно отметить, что за могилкой владыки постоянно ухаживают уборщицы нашего храма и просто благочестивые почитатели Его Высокопреосвященства.

Часто возле могилки почившего можно слышать умиленное, мелодичное пение. Это молодые хористки из «большого хора» пришли посетить владыку. Они любят после вечернего богослужения «пропеть Владыке» «вечная память» и другие песнопения, особенно Богородич-

ные, такие задушевные и трогательные. Их звонкие, нежные и чистые музыкально-профессиональные голоса звучат и звучат в пред ночной тишине, как ангельские хоры, воздавая честь и славу почившему, вызывая слезы на глазах собравшихся людей, перед мысленным взором которых встает светлый образ доброго пастыря архиепископа Константина.

Хочется верить, что со временем место захоронения владыки обретет более пристойный его архиерейской чести вид.

«Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр.13:7).

Игумен Серафим

наместник Спасо – Преображенского мужского монастыря в с. Хмелево Брестской области

Был теплый, солнечный день. Ко мне в село Хмелево, которое расположено на границе с Беловежской пушей, приехали владыка Константин и его гости – сын Андрей с супругой.

Визит почитаемого мною правящего архиерея обрадовал и взволновал. Волнение произошло, когда владыка благожелательно сказал: «Решил показать моим гостям ваши красивые места, храм и икону Пресвятой Богородицы», которая в то время начала чудесным образом просветляться.

На территории кладбища, где расположен храм, владыка увидел белочку на дереве, вокруг раздавались оживленные голоса птиц. Это так понравилось владыке, что он сказал: «Хорошо бы, о. Серафим, в таком прекрасном месте создать мужской монастырь. Только постарайтесь при строительстве сохранить природу и красоту этих мест». Наставление владыки Константина мы помним и стараемся выполнять.

Когда владыка предложил мне быть его духовником, я с радостью согласился. С этого начались наши частые встречи, из которых я узнал его как человека глубокой и истинной духовности, кроткого, смиренного, беспредельно любящего людей. С большой теплотой относился к владыке Константину митрополит Филарет, Патриарший Экзарх всея Беларуси, при встречах с которым владыка Константин показывал образец смирения и послушания.

Мои встречи, с удивительным по доброте владыкой Константином, стали незабываемыми. Его интеллигентность, простота в общении с собеседником, вызывали глубокое уважение и любовь. Владыка был любим и верующими людьми и атеистами, а также любим людьми простыми и в высоких званиях и должностях. Владыку все воспринимали как любящего отца, иногда забывая, что перед ними заслуженный архиерей. Люди всегда уходили и уезжали от него утешенными.

Владыка Константин имел от Бога дар молитвы за людей, а его состояние непрерывного Богообщения давало чудные плоды в укреплении веры в Бога или в пробуждении веры у людей ранее отрицавших Бога.

Обладая большим духовным опытом, владыка успешно подкреплял своей молитвой, своим архипастырским словом многих в невидимой брани с врагами спасения.

Просветленное молитвой состояние владыки было настолько высоким, что после бесед с ним, я испытывал подъем духовных сил. Владыка никогда не раздражался, был милосердным к людям. Было необычно и приятно слышать часто душевно произносимые владыкой слова: «Простите меня».

Не могу умолчать о кулинарных способностях владыки. Он выпекал очень вкусные «драники» (картофельные оладьи) и любил радостно угощать ими гостей, а иногда и просто посетителей.

Владыка ни в чем не проявлял страстей, он был не притязателен в быту. Его скромное жилище соответствовало простоте владыки в одежде, в питании, в доступности всех желающих в любое время пообщаться с архипастырем. В скромно обставленной спальне находились иконы, постоянно горящая лампадка, узкая деревянная кровать и домотканый коврик на полу. Аскетическое убранство маленькой спальни владыки соответствовало его молитвенному состоянию, в котором он постоянно пребывал. Просветленное лицо и скромная одежда владыки подчеркивали его духовный облик.

Подвижнический образ жизни владыки: многочисленные поездки по приходам епархии, освящение построенных и восстановленных православных храмов, рукоположение священни-

ков, почти ежедневное участие в многочасовых церковных службах и многие другие труды владыки вызвали восхищение и удивление – ведь владыка уже был в преклонных годах.

В возрасте 84 лет владыка Константин посетил паломником Святыя места в Иерусалиме. Немного раньше владыка посетил паломником Валаамский монастырь. Он любил шутить: «Я не старый, я взрослый».

Владыка часто был молчалив, это молчание было наполнено благодатью Святого Духа. Его не многословие было более значимо, чем многословие благочестиво говорящего. С благодарностью Богу владыка терпеливо и смиренно нес свой крест. На просьбы вопрошающих владыка отвечал «молитесь» и сразу же молился о них, и Господь посылал им просимое. Об этом свидетельствуют многие люди.

Смиренномудрым, любвеобильным к людям и неутомимым молитвенником сохранился в моей памяти образ дорогого мне приснопамятного архипастыря – архиепископа Константина (Хомич).

Протоиерей Сергей (Дмитрук)

Настоятель Михайловского храма с. Черск Брестского района

Я был келейником владыки Константина около четырех лет. Владыка был человек очень добрый. К нему шли все, с любыми вопросами, с любыми просьбами. И никогда он никому не отказал, всех выслушивал, был доступен для каждого, невзирая на то, кто пришел: батюшка, мирской человек, или какой-то руководитель, всех принимал доброжелательно, кто бы и когда бы ни пришел.

Невзирая на свой возраст, около 80 лет, владыка был бодрым, как говорят в народе, «жвавым». У владыки были больные ноги, но он был активным, энергичным. Владыка никогда не пропускал ни одной службы: ни праздничной, ни воскресной, а если утром планировал ехать куда-то на приход, накануне вечером служил в соборе. Во время моего послушания келейником владыка регулярно исповедовался у своего духовника о.Евгения (Семенюк).

Правило утреннее и вечернее, а также правило перед служением литургии владыка всегда читал сам, в уединении. Строго соблюдал пост.

Владыка был очень скромным архипастырем, пользовался не дорогими вещами, никаких излишеств у владыки не было: простые облачения, простенький подрясник и ряса. Были ли у него духовные чада? Был круг людей, которые регулярно приходили к нему за духовным советом, наставлением. Вставал он рано, ложился достаточно поздно.

В приемный день много часов подряд принимал людей, причем многие шли к нему без записи, просто по живой очереди. В свободный день он любил выйти за ограду и пройтись по городу или прогуляться по погосту, а когда нужно было получить пенсию, заказное письмо или отправить бумаги, то всегда ходил на почту сам, иногда в сопровождении келейника.

Очень много читал духовной литературы. Особенно любил жития святых. Никаких мирских увлечений у владыки не было.

При этом и в «не приемные» дни в домик владыки постоянно стучались люди, просили разрешения поговорить и всех посетителей владыка принимал прямо у себя в комнате. А если человек в душу западет, особенно понравится, что случалось достаточно часто, обязательно угощал чаем и всем тем, что было на кухне. Каждого посетителя владыка одаривал духовной литературой, которая очень часто воспринималась посетителем как дар прозорливости владыки.

Он не нес великих телесных подвигов, но нес непрестанные душевный и духовный подвиги простой человеческой доброты.

Его сын Андрей очень любил своего отца и, хотя он работал в Петербурге, приезжал в Брест на пасхальные праздники, на день рождения владыки 11 ноября, а также когда у него бывали служебные командировки в Беларуси. Когда Андрей приезжал, владыка обязательно встречал его на вокзале, а когда провожал сына, то с молитвой благословлял купе и вагон, в котором уезжал его сын.

Добавлю, что владыка никогда не был в отпуске, а если уезжал из епархии, то только в Жировичи, или в Минск на Синод, или в другую епархию на два-три дня на престольный праздник или особенное торжество.

Даже в больнице он никогда не лежал, а, если было нужно, проходил стационарное лечение, консультировался с докторами, но всегда был на месте, много молился и служил.

Смирение, терпение и излучаемая любовь владыки были его большим Божественным достоянием в архипастырском служении.

Протоиерей Георгий (Лисицкий)

Владыка Константин был очень доступен, близок в общении, отличался простотой, чувством такта, боялся обидеть человека, сам же никогда ни на кого не обижался и не сердился, во всяком случае, я его никогда не видел рассерженным, раздраженным. У него было удивительное смирение, которое проявлялось в общении и со священниками, и с простыми людьми.

Андрей Константинович Хомич

Сын владыки Константина, г. Санкт-Петербург

«...стяжи дух мирен и тогда тысячи душ
спасутся около тебя...»

Преподобный Серафим Саровский

Моя горячая сыновья любовь к отцу и желание описать его удивительный духовный образ подвигли меня на решение попытаться, как смогу, рассказать о жизни отца – приснопамятного архиепископа Константина. Кроме этого, написать воспоминания об отце меня просили многие люди, знавшие владыку.

Я не ставил целью художественно изложить свои воспоминания об отце. Читатель узнает из моих воспоминаний только те важные эпизоды из жизненного пути отца, которые глубоко сохранились в моей памяти и о которых, как мне кажется, интересно и полезно узнать многим людям.

Рядом с входом в кафедральный собор, в центре белорусского города Брест, среди пихтовых елей, находится могилка архиепископа Константина. Тихо, с благоговением и любовью, подходят люди, млад и стар, к могильному кресту владыки Константина. Веруют люди, что «владыченька поможет».

У могилы отца в Бресте

В благодарность приносят люди к могилке свои искренние рассказы: воспоминания и свидетельства о помощи в делах, которые совершал Господь по молитвам владыки Константина при его жизни и продолжает совершать после его упокоения.

Каким помнится владыка тем, кто его знал? «Он был нашим солнышком», «Святой был батюшка, таких теперь мало». Многие рассказы и воспоминания, полученные от людей, вошли в эту книгу.

Все, делившиеся со мной впечатлениями о встрече с отцом, говорили, что они получили от него ту духовную подпитку, которая придала им силы бороться с отчаянием, успокоила, укрепляла в вере в Бога.

Отец для меня и многих моих знакомых был образцом кротости и смирения. Он старался жить по Заповеди Христа: «Да любите друг друга» (Ин.15:17). Он с радостью общался с каждым человеком и я часто слышал от отца: «Ах, какой симпатичный человек!». В моей памяти явственно сохранился светлый, одухотворенный образ отца, его мудрые жизненно важные советы, за которые я сердечно благодарен ему.

Отец родился в крестьянской семье на хуторе Рог, близ деревни Бобрик Пинского уезда, Минской губернии (сейчас Пинский район Брестской области). Хутор Рог находился в дремучем лесу белорусского Полесья. В конце 50-х годов прошлого века хутор был ликвидирован и сейчас о нем помнят только пожилые жители близко расположенных к этому месту деревень Бобрик и Терebenь. На хуторе жила многодетная православная крестьянская семья Хомичей. В этой семье рос мальчик Константин (мой отец), мама которого – Пелагея – умерла, когда ему исполнился один год.

Все Хомичи были заняты животноводством и земледелием: содержали коров и овец; производили и продавали молочные продукты, в том числе, сливочное масло, которое на Полесье славилось своим высочайшим качеством; обрабатывали землю, заготавливали корма и т.д. В этих крестьянских трудах, весь период проживания на хуторе, посильно участвовал малолет-

ний Константин. Он пас скот, помогал на сельскохозяйственных работах, стараясь не отставать от взрослых. За это его все любили.

Взрослые в семье отца, занятые целыми днями работами, находили время бывать на богослужениях только в большие православные праздники. В семье не было принято читать религиозных книг или беседовать о вере.

Отец рассказал мне, что у него в детском возрасте возникло желание стать священником. Когда он пас скот, то одевал на себя покрывало и, взяв привязанную на веревке железную банку, наполненную углями, ходил вокруг костра, размахивал этой банкой, и громко распевал молитву «Отче наш».

Как-то ранним воскресным утром он, десятилетний мальчик, один отправился в церковь в деревню Доброславка, в 9 километрах от хутора. Шел через глухой лес, в котором нередко местные жители встречали волков. Отец говорил, что было немного страшно, но он молился и верил, что волки его не тронут. В Доброславке отцу сказали, что священник уехал молиться в другую деревню, отец побежал в эту деревню. Когда он прибежал туда, церковная служба уже закончилась.

Преодолев за день много километров, отец вернулся домой. В следующее воскресенье он снова отправился в церковь, где «на службе молился и просил Боженьку помочь выучиться на батюшку».

Его пылкое стремление посвятить себя на дело служения Церкви не угасло с детских лет и сохранилось на всю его жизнь.

Я спросил у отца: «Что тебя, малолетнего, подвигло к вере в Бога, влекло к церковной службе?». Отец ответил: «Сойдет на тебя, сынок, Дух Святой и ты без молитв и церкви жить не сможешь. Спроси у любого знаменитого ученого, художника, писателя и т.д., от чего или от кого у него талант и успехи. Если он православный человек, то скажет: от Бога». Потом отец добавил: «Когда случается беда, то крестятся и идут в церковь даже атеисты. Чем больше людей будут с Богом в сердце, тем сильнее будет наше государство».

До 11 лет отец жил на хуторе со своим отцом (моим дедушкой Андреем) и мачехой, а потом отца взяла к себе в город Пинск его родная тетя, крестная мать отца, Феодосия Михайловна Сахаревич. Она оплачивала все расходы по обучению отца в Пинском реальном училище.

Отец заботился о крестной по сыновьи до конца ее дней. Похоронена Феодосия Михайловна на монастырском участке кладбища в деревне Жировичи Слонимского района Гродненской области.

После завершения учебы в Пинском реальном училище, отец поступил в православную Виленскую Духовную семинарию, которую успешно окончил в 1935 году.

Во время учебы в Виленской Духовной семинарии отец был дружен со своими одноклассниками, которые с годами стали известными архиереями: приснопамятном Блаженнейшем Василии, митрополите Варшавском и всей Польши и приснопамятном Леонтии, митрополите Оренбургском

Вот что мне рассказал Блаженнейший митрополит Василий: «Костю мы, семинаристы, называли монахом. Ни в каких наших развлекательных мероприятиях он участия не принимал и все свободное от учебы время проводил в храме: убирал полы, чистил подсвечники, ухаживал за цветами и молился».

Отец был одарен Богом многими прекрасными человеческими качествами: незлобием, кротостью, смирением, добросердечием, бескорытием.

Эта фотография сделана в один из приездов в Брест приснопамятного Блаженнейшего митрополита Василия, с которым отец поддерживал дружеские отношения всю жизнь.

Блаженнейший митрополит Варшавский и всей Польши Василий и архиепископ Брестский и Кобринский Константин

Большое участие в устройстве личной жизни отца приняла монахиня, матушка Репсимия, заметившая его молитвенное рвение во время учебы в Виленской Духовной семинарии.

Дело в том, что до закрытия женского православного монастыря в местечке Глубокое, в котором матушка Репсимия несла послушание эконома, она окормляла одну из воспитанниц и учащуюся монастыря, мою будущую маму, Александру Кондратьевну Хотянович. Кроме учебы мама несла в монастыре послушание регента хора и за хорошее пение хора даже была отмечена благодарностью Виленского архиепископа Тихона, будущего Святейшего Патриарха великого града [Москвы](#) и всея [России](#).

После закрытия женского монастыря в местечке Глубокое все монашки и матушка Репсимия переехали в монастырь г. Вильно (сейчас г. Вильнюс). Мама тоже переехала в город Вильно, где устроилась работать медсестрой. Она по-прежнему навещала матушек, у которых часто бывал в гостях отец, он читал пожилым монахиням духовные книги.

По совету матушки Репсимии отец, после окончания учебы в семинарии в 1936 году, взял в жены девицу Александру.

Многие годы матушка Репсимия со своей келейницей, продолжали с любовью называть отца «наш Костенька» и даже находили силы приезжать в гости к моим родителям, преодолевая трудную дорогу из города Вильнюс в деревню Охово, расположенную в 16 километрах от

города Пинска, из которого до деревни можно было добраться только пешком или «конной тягой».

Мои родители. 1936 год

Крепкое духовное единение придавало моим родителям силы стойко переносить все жизненные невзгоды, при любых обстоятельствах оставаться добрыми, всегда с любовью относиться к людям и получать взаимную любовь от них.

В священнической жизни отца было много чудесных случаев, первый из которых случился вскоре после его рукоположения в священники, когда отец поехал в Свято-Успенскую Почаевскую Лавру. Поездка была связана с исполнением обета, данного отцом в семинарии: помолиться у чудотворной иконы Почаевской Божией Матери. На территории Лавры к отцу подошла юродивая и сказала: «Будешь монахом, будешь епископом, только не долго». Это предсказание юродивой было сделано в 1936 году.

Помню как отец, спустя много лет, спрашивал у мамы: «Как могла юродивая сказать мне «будешь монахом и епископом», когда я женатый священник?». Мудрая моя мама отвечала: «Если я умру раньше, а ты примешь решение уйти в монастырь, то монахом станешь, а вот епископом – только по воле Божией».

В 1936 году отец получил назначение служить настоятелем храма в село Охово Пинского повета Полесского воеводства.

До 1939 года отцу пришлось пережить давление католицизма на православную Церковь в Западной Белоруссии, но когда в 1939 году Западная Белоруссия стала большевистской, для отца, православного священника, начался еще более тяжелый период жизни. Православную Церковь стали планомерно пытаться уничтожить воинствующие атеисты.

Запомнился рассказ мамы, как во время обыска в нашем доме сотрудник НКВД вынул из бельевого шкафа коробочку с иерейским крестом отца, оглянулся по сторонам, убедившись, что нет рядом посторонних, поцеловал крест, аккуратно положил его в коробочку и на место в

шкаф. Услышав этот рассказ, я для себя сделал вывод о наличии веры у некоторых сотрудников силовых структур.

В 1941 году отец был назначен настоятелем Свято-Никольской церкви в селе Купятичи (ныне Пинского района, Брестской области), где и продолжал служить в период немецкой оккупации.

Наступил 1941 год. В нашей деревне фашисты появились в первый день войны. Началась жизнь в оккупации, с постоянным страхом погибнуть от фашистов. Из-за слабого здоровья отец не был призван в армию и, находясь в оккупации, продолжал служить священником, собирая по деревням сведения для партизан о расположении и вооружении фашистов. Несколько раз фашисты пытались расстрелять отца, принимая его за партизана, но благодаря маме, которая по заданию партизанского руководства, чтобы иметь медикаменты для лечения партизан, лечила в деревенском медпункте фашистов, отец остался жив.

Мама днем лечила фашистов, а ночью передавала медикаменты для партизан, а при необходимости сама шла в партизанские отряды и оказывала там медицинскую помощь раненым и больным. Это было смертельно опасно для нас всех. Мама рассказывала мне, что отец всю войну горячо молился о защите нашей земли от фашистских супостатов, о защите своей семьи.

С мамой работала русская медсестра, которая отлично владела немецким языком. Она подслушивала на приеме у мамы разговоры немецких солдат и офицеров и наиболее важные сведения они с мамой передавали партизанам.

В статье «Подвиг веры», напечатанной в газете «Пинский вестник» к 9 мая 2011 года, сказано: «Для населения, оказавшегося на временно оккупированных территориях и подвергавшегося немало претерпеть православному духовенству. В воспоминаниях партизан и подпольщиков, публикациях по церковной истории есть свидетельства того, что православные священники Пинщины не только словом, но и делом помогали бороться с врагом». Автор статьи пишет: «Установлено по меньшей мере три десятка фамилий клириков Пинской епархии, вступивших на путь сопротивления захватчикам. Среди священников-патриотов будущий архиепископ Константин Хомич. ....».

Летом 1944 года началось изгнание фашистов частями советской армией с территории Западной Белоруссии.

Случилось так, что родители, собиравшиеся уйти ночью в партизанский отряд, не успели это осуществить. В этот день внезапно в деревне появились толпы пьяных фашистов, которые гонялись за курами, ползали по грядкам с земляникой, тащили из сараев овец и поросят. Со словами «партизан» они поставили отца к стенке во дворе и приготовились его расстрелять. К счастью во двор зашел немецкий офицер, знавший маму по работе в медпункте, и прогнал солдат.

Отступающие фашисты схватили в этот день многих жителей села и моих родителей со мной, насильно затолкали в грузовую машину и привезли нас на железнодорожный вокзал в город Пинск. Мы были загружены в товарные вагоны, как «селедки в бочке», и ждали отправки в Германию. В это время началась бомбежка железнодорожного вокзала, во время которой кто-то открыл дверь нашего товарного вагона и люди стали разбегаться. Фашисты расстреливали убегающих. Рядом с нашим товарным вагоном находилась открытая железнодорожная платформа стоящего рядом железнодорожного состава. Родители забрались на платформу, накрылись брезентом и нас повезли со станции в неизвестном направлении. Ночью железнодорожный состав часто попадал под бомбежку. Запомнился страшный завывающий звук падающих бомб, а также содрогающаяся земля от взрывов и прижимавшее меня тело мамы, закрывавшей меня от гибели.

Утром мы оказались в оккупированной фашистами Варшаве. По Божией воле мы пешком добрались к проживавшей в Варшаве родной сестре мамы, тете Клене (Клеопатра). Большую помощь в нашем передвижении по Варшаве оказала одежда отца, православного священника

в подрыснике с иерейским крестом на груди. Кроме этого мои родители владели польским языком.

Тетя Кленья приютила нас в своей квартире. Казалось, что мы спасены, но через несколько дней началось Варшавское восстание польских националистов против фашистов. Мы попали в «ад крошечный», когда разрывы снарядов и бомб не прекращались ни днем, ни ночью. Помню, как во время уличных боев в Варшаве горожане добывали воду, рискуя жизнью. Однажды родители, взяв меня с собой за питьевой водой, ползли по канализационным трубам до выхода на поверхность, после чего отец перебежал улицу, чтобы попасть к водозабору. Эта перебежка была смертельно опасна, так как фашистские снайперы расстреливали людей, перебежавших улицу.

Восстание было жестоко подавлено фашистами. Город был полностью разрушен, погибло большое количество мирных жителей. Подавив восстание, фашисты объявили, что Варшава заминирована и будет взорвана. Всех оставшихся в живых горожан фашисты колоннами вывели из Варшавы и загрузили в товарные вагоны. Привезли нас в один из австрийских фашистских концлагерей, который был одним из губительных мест для узников, где слабых и больных сжигали в печах, дым из труб которых, малышам родители объясняли – работает «баня». Фашисты избивали узников и издевались над ними. Фашистские надзиратели заходили периодически в барак и травили овчарками непонравившихся им узников. Кормили нас «булочками» из смеси древесных опилок с добавками овощей.

Помню как отец во время бомбежек, на удивление всем людям, лежащим в страхе на полу, ходил по бараку и всех успокаивал. Он говорил: «самолеты улетают», «самолеты пролетают мимо» или «сбрасывают бомбы далеко от нас».

С нами неразлучно была родная сестра мамы. Она отказала близкому ей человеку Болеславу Беруту, уйти с ним из Варшавы до начала Варшавского восстания польских националистов против фашистов. Она сказала Болеславу, что не может оставить родную сестру с малолетним ребенком, зная, что впереди их ждут тяжелейшие испытания.

Рядом с моим нательным крестиком родители закрепили клочок бумаги с адресами родственников, на случай их гибели. Отец в концлагере заболел, очень ослаб и все переживали, что его могут унести из барака на сжигание. Барак был длинный, по обе стороны в бараке располагались двухъярусные «лежбища», на которых лежали, ожидая своей смерти, женщины, дети и пожилые люди. Ежедневно из барака выносили умерших и очень слабых узников. При попытке упрямить фашистского солдата не забирать еще живого узника, фашисты травили просившего овчарками. Территория концентрационного лагеря была обнесена забором из колючей проволоки, по которой был пропущен электрический ток высокого напряжения. Детям объясняли, что всех приближающихся к проволоке убивают и мы, малолетние, очень хорошо это усвоили.

Оставшиеся в живых узники концлагеря были освобождены советскими войсками в начале апреля 1945 года. Мне запомнилось ликование людей по поводу окончания войны и стихийный митинг на площади в Вене. На митинге было предложено выступить отцу, единственному священнику среди участников митинга. Отец, в подрыснике, с крестом (он никогда не носил гражданской одежды), очень слабый после болезни, выступил на митинге со словами благодарности всем, кто освободил нас, кто сражался, трудился и молился за Победу, кто отдал за нее жизнь. Люди плакали. Вспоминая слова отца на этом митинге, мама говорила, что она даже не догадывалась об таких ораторских способностях отца.

После прохождения специальной проверки в Вене мы были отправлены в Белоруссию. Везли нас на грузовой машине, в которой находилась мебель, «экспроприированная» каким-то генералом. Мы ехали долго, с частыми остановками.

Осенью 1945 года, по прибытии в Белоруссию, отца допросили о его деятельности в период фашистской оккупации и разрешили вернуться домой. Мама плакала от радости, когда встретила отца после допроса и узнала, что отцу разрешили вернуться в Купятичи для про-

должения служения священником. Как выяснилось позже, такое решение властей объяснялось ходатайством Болеслава Берута, который, занимая после войны высокую партийную должность в Польше и пользуясь дружеским расположением к нему И. В. Сталина, попросил у него защитить моих родителей от преследования НКВД, что и было выполнено. Кроме этой защиты немаловажную роль сыграли положительные характеристики и свидетельства нескольких командиров партизанских отрядов о той помощи, которая была оказана им моими родителями.

В феврале 1946 года, по просьбе прихожан села Охово, отец был назначен настоятелем церкви Рождества Пресвятой Богородицы в этом селе. Прихожане с радостью встретили «своего батюшку».

Родители в селе Охово, 1947 год

Церковь в с. Охово находится на кладбище, рядом с которым были собраны и установлены прихожанами для священника старенький домик и сарай, привезенные из какой-то деревни.

Снимок домика в с. Охово сделан в 2005 году, когда я посещал места моего детства.

В сарае содержались коза и куры. Был небольшой огород, где отец выращивал немного картошки и овощей. Кроме этого прихожане делились с батюшкой картошкой, хлебом и молоком. В деревне не было электричества, радио. Священнику было запрещено продавать дрова, поэтому обогревались русской печью, которую топили торфяными брикетами, а растапливали «косточками», собираемыми в лесу. Питьевую воду носили из соседнего хутора в 300 метрах от нашего дома, где был очень глубокий колодец.

Служению в церкви отец отдавал все силы. Отец говорил: «Вера в Бога может прийти к человеку и тогда он счастлив, а может не прийти и тогда он несчастен. К сожалению не всем дано это понять до конца жизни». Эти слова отца я благодарно оценил, придя в пожилом возрасте к искренней вере в Бога.

Чаще всего в воспоминаниях видится мне отец на коленях, со свечой в руках, молящимся в доме ночью перед иконами. В любое время суток, в лютую непогоду отец безропотно уезжал или уходил со Святыми Дарами на груди в соседние деревни причащать тяжелобольных или умирающих прихожан.

На захоронении в с. Охово

Мама помогала отцу на службах или при совершении треб, исполняя роль псаломщика.

На храмовом празднике в с. Охово

На всю жизнь запомнил я, семилетний мальчик, мамину христианскую воспитательную работу, проведенную со мной. Случилось так, что это послужило мне серьезным нравственным уроком. Дело в том, что наш церковный дом находился на хуторе у кладбища. Кладбище было заросшее вековыми деревьями и кустарниками. В лунную ночь из окна дома были видны могильные кресты, а при сильном ветре был хорошо слышен шум от деревьев. Когда ночью родителей вызывали к умирающему прихожанину, а чаще – в одну из соседних деревень: отца, как священника, а маму, как медицинского работника, я оставался один в доме, мне было очень страшно. Казалось, что волки «могут прыгнуть в окно» и «бандиты-грабители прячутся за дверью или под кроватью». В послевоенные годы был разгул бандитизма.

Однажды, вернувшиеся под утро родители заметили мой страх, поэтому мама мне очень убедительно объяснила: «Бояться должен только тот ребенок, у которого нет Ангела-хранителя, т.е. не крещеный ребенок, или от которого ушел Ангел-хранитель. А уходит Ангел-хранитель от детей, когда они не выполняют Заповедей Божиих: воруют, ленятся в учебе, не уважают родителей и старших, не молятся, не делают добрых дел».

При этом мама постаралась меня убедить, что Ангел-хранитель такой сильный, что может легко защитить меня как от множества волков, так и от бандитов. Так как я очень хотел иметь сильного защитника – Ангела-хранителя, то у меня никогда не было помыслов украсть, обмануть, наругать родителей, полениться, совершить хулиганский поступок или еще чем-то нарушить Заповеди Божии. Я стал очень стараться говорить только правду, защищать младших, помогать пожилым людям и совершать другие добрые поступки, только чтобы Ангел – хранитель был со мной. Я перестал бояться!

Как важно, по моему мнению, этим воспитательным методом руководствоваться родителям сегодня, спасая детей от совершения безнравственных поступков.

Глубоко врезаются в детскую память случающиеся тяжелые переживания в семье. В 1947 году в наш дом зашли представители районной власти с «предложением» подписаться на послевоенный заем. Обязательная сумма займа, ими названная, была непосильной для родителей. Отца увели и заперли в сыром и холодном погребе. Маме сказали: «Пока требуемой суммы денег не найдешь, твой поп будет находиться в погребе». Представляю, какие переживания достались на долю мамы, если она всегда выдержанная, пережившая войну и фашистский концлагерь, кричала: «Он слабый, он не выдержит холода и сырости!». Мама сняла со стены ковер и собрала другие вещи для того, чтобы их продать. Часть денег мама выручила за проданные вещи, часть – помогли прихожане и так сообща, собрав нужную сумму, выручили своего батюшку. Думаю, что этот случай отнял у нее много лет жизни. Никогда больше я не видел маму такой взволнованной.

Отец не был физически сильным человеком, но когда возникала необходимость защитить кого-либо, отец всегда решительно вмешивался и разъяренный хулиган становился послушным. Однажды темной осенней ночью в наш домик на хуторе постучалась женщина. Она умоляла помочь остановить ее пьяного мужа, бегающего по полю с ножом, грозившего всех зарезать и сделать поджог. Наш дом имел соломенную крышу, поэтому совершить поджог было очень просто. Отец надел подрясник, крест, взял в руки керосиновый фонарь и решительно пошел в темноту навстречу разъяренному хулигану. Вскоре мы с мамой, дрожащие от страха, услышали, как отец, подойдя к нему спокойно произнес: «Я священник и хочу помочь Вам прийти до дома». Все закончилось благополучно.

Жизнь в деревне, по тем временам, была очень трудной. Старый деревянный дом не имел никаких удобств и был холодным. На кухне вода в ведре зимой замерзала, поэтому приходилось разбивать лед, чтобы взять воду. На улице холодный туалет, посещение которого зимой комментировалось словами: «Сходить на северный полюс». Ездили в лес и собирали сучки от деревьев для растопки печи. Отцу приходилось ходить за хлебом в город, а это туда и обратно составляло тридцать два километра. Отец шутил и успокаивал маму, говоря: «У марафонцев дистанция длиннее».

Для того чтобы нам выжить отец нанимал подводку с лошадью и ездил по деревням своего прихода, заходил в дома и просил у прихожан посильную жертву. Люди делились скудными запасами овощей, зерна, яиц, иногда даже мукой для выпечки просфор в церковь.

Несколько слов об увлечении отца цветоводством и огородничеством. В деревне Охово отец выращивал, кроме необходимых для пропитания овощей и фруктов, также виноград и арбузы. Мне поручалось встречать стадо коров, возвращающееся с пастбища и собирать «лепешки» на пути следования стада для удобрения огорода. На выращенную отцом тыкву весом 36 килограммов приезжали посмотреть даже ученые из Минска. Все, что сажал отец, прекрасно росло. Он выращивал много цветов. Наш двор летом напоминал оранжерею. Отец старался украшать иконы в церкви выращенными им цветами.

Отец любил детей и они отвечали ему взаимностью. Когда он шел по деревне, дети выбегали к нему навстречу, а он угощал их конфетами, которые всегда хранил в глубоком кармане подрясника.

Запомнился мне случай, связанный с духовным врачеванием отца. Недалеко от деревни Охово на хуторе, хозяин увидел двух грабителей, выносивших из его дома награбленные вещи. Одного из грабителей хозяин догнал и нанес ему топором смертельный удар. После чего, на нервной почве, перестал спать, есть и не мог работать. И тогда он обратился к отцу за советом, как избавиться от душевных мук и ночных кошмаров. Отец благословил его стоять на паперти храма несколько служб и просить всех входящих в храм молиться за него, убийцу. Выполнив это, мужчина выздоровел.

Дорога в город проходила рядом с нашим хутором. Автомшины по этой разбитой дороге не ездили. Отец выходил к дороге, по которой люди из соседних деревень пешком возвраща-

лись из города, и приглашал уставших людей отдохнуть и перекусить. Обычно это были пожилые люди, возвращающиеся из города с купленным там хлебом. Люди с благодарностью принимали пищу и отдых, а отец радовался.

В 1955 году отец был переведен настоятелем Свято-Николаевского молитвенного дома в г.Добруш Гомельской обл. На фото приезд архиепископа Питирима.

Любовь прихожан к отцу и его христианский образ жизни раздражали уполномоченного по делам религий при Гомельском облисполкоме.

В 1962 году я приехал в Добруш к родителям в отпуск (после окончания института в Ленинграде). В церковный двор зашел уполномоченный по делам религий, увидев меня во дворе и узнав, что отца дома нет, посмотрел на цветочную клумбу и зло сказал в адрес отца: «Устроил тут рай на земле! Пусть зайдет в Исполком ко мне». Оказалось, что уполномоченный решил убрать отца из г. Добруш. Он обвинил его в том, что отец крестил ребенка коммуниста, который, якобы, не давал на это своего согласия. Отец был насильственным путем «в 24 часа» переведен на приход в маленькую деревню Красное Гомельской области, где была домовая церковь. Перевод был оформлен кощунственно: «по собственному желанию». Не выполнить требование уполномоченного «убраться в 24 часа» было нельзя, так как справка, дающая право работать священником, была бы уполномоченным отнята немедленно.

Для проживания в деревне Красное была арендована у одного из жителей старенькая избушка, в которой хозяин держал кур. С помощью прихожан избушку за ночь привели в порядок, а я с товарищами всю ночь перевозил на грузовой машине из Добруша родительские вещи и мебель. Родители прожили там до 1969 года (до смерти мамы). Слова умирающей мамы: «Береги отца, он у тебя святой», помню всегда.

Спустя год после переезда отца в деревню Красное я поехал к уполномоченному, чтобы выяснить почему он не оставляет отца в покое, чиня все новые к нему придирки и угрожая отправить его в "гардеробщики, сторожа или дворники". Мой разговор с уполномоченным длился недолго. Я начал его словами: «Прошу Вас поговорить со мной не как уполномоченный по делам религий с сыном попа, а как коммунист с комсомольцем и объяснить мне причину столь негативного отношения к отцу». На этот вопрос уполномоченный ответил: «Когда я был комсомольцем и увидел у своей матери крестик, я перегрыз его зубами. Раз ты не борешься с иконами и другими религиозными предметами отца ты для меня не комсомолец». Вскоре единственный сын уполномоченного покончил жизнь самоубийством. Видимо это явилось причиной пересмотра им воинствующего атеистического поведения, потому что в 1969 году, после смерти моей мамы, он дал отцу положительную характеристику, которая позволила ему принять монашеский постриг и переехать для проживания в Жировичский Свято-Успенский монастырь под покров чудотворной Жировичской иконы Божией Матери. Прощаясь с отцом уполномоченный неожиданно сказал ему: «Если вам будет нужна моя помощь, обращайтесь».

Предсказание юродивой начало сбываться в 1969 году. Отец был вызван в Минскую епархию, где архиепископ Минский и Белорусский Антоний (позднее митрополит Ленинградский и Новгородский) благословил отца на монашеский постриг с именем Константин и на переезд в Жировичский монастырь (Гродненская область). Отец более 17 лет был Наместником в этом монастыре.

Назначение отца наместником Жировичского Свято-Успенского монастыря произошло в годы активного богоборчества.

Несколько раз монастырь был под угрозой закрытия. Как мне довелось слышать от людей, во многом по стараниям наместника архимандрита Константина, у монастырской братии с местной властью сложились бесконфликтные отношения. Денежными переводами, посылками с вещами и продуктами, а также деньгами, которые привозили паломники (деньги собирались верующими по деревням, поселкам, городам), православные люди поддерживали Жировичскую обитель.

«Мир не без добрых людей и, с Божией помощью, православные люди нас найдут и помогут выжить» твердо верил отец и много, много молился.

Были случаи, когда авторитетные у местных властей руководители колхозов и предприятий бескорыстно помогали монастырю продуктами и овощами (в те годы земля монастырю не выделялась), строительными материалами для ремонта монастырских зданий и построек.

Я был свидетелем добрых и заботливых отношений к отцу директора Слонимского предприятия А. А. Данилина, который не только помогал монастырю овощами (картошкой, капустой, свеклой), но и успокаивал отца словами: «Мы не позволим закрыть монастырь, пока живы». Повесив в своем служебном кабинете большой портрет отца, он объяснял, что «портрет этого человека повышает у меня производительность труда».

Как-то я был свидетелем приезда в монастырь генерала, который хотел попросить благословения у наместника на переезд в Москву в связи с повышением по службе. «Папа, к тебе приехал высокий гость» – сказал я, увидев выходящего из машины генерала. Отец не удивился, для него это не было чем-то особенным. Когда мы познакомились, я спросил генерала: «Как вы не боитесь приезжать к отцу в монастырь и как вы находите для этого время при вашей занятости?». Генерал ответил, что он приезжает к отцу, чтобы «глотнуть кислорода» и что после общения с Константином Андреевичем он становится более спокойным и терпеливым в отношениях с подчиненными. Этот генерал вызвал у меня глубокую симпатию своей интеллигентностью.

В монастыре находился в то время на покое архиепископ Ермоген, который был в опале у Советской власти. За ним велось круглосуточное наблюдение: с кем встречался, о чем говорил, куда выходил и т.д. Помню, как отец помогал владыке Ермогену идти на службу в храм и как величественно смотрелись вместе два седых старца. Отец сочувствовал владыке и заботился о нем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.